

стран света—Китай, Сибири, Индии, Согда-Мавераннахра, а через его посредство—Ирана и Византии. В раскрытии этих процессов и явлений автор, умело пользуясь методами исторического и археологического анализа, стоит на верном пути. Нужно пожелать, чтобы археологические материалы с Большого Чуйского канала были в скорейшем времени опубликованы в полном объеме.

Отдельная глава в рецензируемой работе (стр. 29—40) посвящена автором предварительному очерку его рекогносцировки по Южной Киргизии, проведенной весной того же 1944 г. с целью сбора материалов для составления перспективного плана исследований Ошской и Джалал-Абадской областей Киргизской ССР. В главе дан обзор археологических памятников Южной Киргизии с III в. до XII в. н. э. и поставлен вопрос о их месте в истории культуры народов Средней Азии.

Заканчивая рассмотрение очерка А. Н. Бернштама, мы должны отметить в нем один досадный недостаток. Он оснащен большим количеством иллюстраций (218 рисунков в 10 таблицах), но, к сожалению, многие из них так мелки и выполнены так грубо, что не передают действительных форм и типов древних предметов материальной культуры, чем наносится серьезный ущерб всей работе.

А. Тереножкин

ANDRE PIGANIOL, Histoire de Rome, Paris, 1946, LI + 586 стр.

Андре Пиганиоль, автор «Римской истории», является известным французским ученым. Его перу принадлежит ряд очерков по историографии античности и специальных исследований по Римской истории. Им написана монография, посвященная Константину («L'empereur Constantin, Paris, 1932»), специальный труд, посвященный возникновению Рима (Origines de Rome) и ряд других работ. Для серии «Народы и цивилизации» Пиганиоль написал заслуживающий внимания том, посвященный Римской республике (La conquête Romaine). «История Рима» (Histoire de Rome) Пиганиоля, вышедшая в 1939 г. в серии «Klio», Introduction aux études historiques, недавно (1946) переизданная, является как бы завершением его прежних работ по изложению римской истории. Этот последний труд, предлагаемый вниманию читателя, мы не можем отделить от предшествующих работ этого автора. Для понимания отношения автора к римской истории необходимо кратко охарактеризовать установки Пиганиоля как по общим, так и по частным вопросам истории Рима. В этом отношении характерной является монография Пиганиоля о Константине. Живое и яркое изложение истории Константина, его политики и, главным образом, изложение его религиозных реформ дает на фоне политических событий поздней империи картину выдающегося исторического деятеля.

В литературе по данному вопросу монография Пиганиоля имеет, несомненно, немалое значение. Однако следует признать, что к исследованию политической и религиозной деятельности Константина автор подходит скорее как католик, но отнюдь не как историк, дающий объективную оценку событиям. И это прежде всего выдает сентиментально-романтическая оценка автором всей деятельности Константина. В конце своей монографии Пиганиоль характеризует Константина, как «человека, который в век, когда разум человеческий заколебался, опущал жизнь».

В труде по Римской республике («La conquête Romaine») Пиганиоль не стремился предложить какую-нибудь оригинальную композицию или новые идеи, под углом зрения которых Римская республика выступала бы в новом свете. Нет. У Пиганиоля весьма скромная задача: дать все, ничего не упустить и поменьше «точек зрения!» Компилятивная сторона выступает на первое место, отодвигая всякий момент исследований, теоретического обобщения и продвижения вперед той или иной научной проблемы. Такой

подход Пиганиоля неразрывно связан с его точкой зрения на древнюю историю, как научно уже окончательно разработанную. Пиганиоль как-то писал в одной из своих работ, что «древняя история вступила в фазу составления капитальных руководств и фундаментальных справочников. В области исторической науки она готова стать разделом наиболее разработанным в сравнении с другими». Очевидно, исходя именно из такого взгляда на современное состояние научной разработки древней истории, автор пришел к наивному, с нашей точки зрения, положению, что дело историка теперь в этой области завершается только составительской работой. Фактологическое отношение к составлению книг, монографий и общих пособий, в лучшем же случае—драматизация описываемых фактов—все это обходится без живой, организующей мысли, без творческой идеи исследователя.

Подобный стиль в буржуазной историографии не может не обратить на себя внимания, ибо он отражает безидейность, падение тонуса творческой работы современного буржуазного историка.

Подобная установка нашла отражение и в рецензируемой книге. В предисловии, правда, автор пишет, что задача его заключается «не в том, чтобы осветить хорошо изученные истины, но поставить проблемы и дать направление исследованию». Но те проблемы, какие выдвигаются Пиганиолем, далеко не равноценны, и нужно сказать, что вопросы частные занимают его больше, чем кардинальные проблемы римской истории. Задачу последней автор сводит главным образом к истории общеполитической. «Под историей Рима следует понимать историю создания и разрушения государства, которое окаймляло берега Средиземного моря». Вопросы хозяйственного и социального развития отходят тем самым на задний план. Из истории культуры Пиганиоль ставит на первый план религиозную проблему, возвращаясь при этом к той периодизации, какая дана была Огюстом Контом: «в недрах Римской империи восторжествовала религиозная революция, благодаря которой период мифический уступил место метафизическому»(?!).

Это предисловие, несмотря на глубокое знакомство автора с проблемами римской истории, возвращает историографию более чем на столетие назад.

Материал между отдельными периодами распределен систематично. Книга делится на четыре части. Вся история до 268 г. (до окончательного покорения Италии) составляет для Пиганиоля как бы предисторию. В подражание, видимо, Катону Старшему он называет этот период «Началом» (*Origines*). Второй период—эллинистический: римское завоевание (*La conquête Romaine*); третий период—принципат; соответствующая часть называется «Эволюция принципата». Он начинается с Августа и кончается смертью Галлиена. С Клавдия II Готского начинается бюрократическая монархия, которая продолжается до 476 г. Этой периодизации, уклоняющейся до известной степени от традиционной, можно поставить упрек в искусственности. В основу ее положены моменты второстепенные, а не основные; она не учитывает общественного развития (образование классов, развитие рабовладения и его упадок). Как автор ни относится к достоверности наших сведений об эпохе царей и ранней республики, но все же следует разделять две стадии в ранней римской истории. У Пиганиоля же они объединены в один период, причем предистория Италии не отделена в сущности от ее истории. Пиганиоль вводит термин «бюрократическая монархия», отмечая только политический момент, и начало соответствующего периода относится, по его мнению, не ко времени Диоклетиана, а Клавдия II Готского, с которого начинается правление иллирийских императоров. В 70-е годы III века кризис Римской империи отнюдь не был преодолен, Клавдию и Аврелиану удалось лишь (и то не полностью) восстановить политическое единство империи.

Четыре части книги Пиганиоля состоят из отдельных глав, каждая из которых состоит из основного текста, «notes», содержащих краткую характеристику источников, библиографии и ряда историографических заметок, помещенных под заголовком *état des questions*.

Последние пять страниц — 523 — 527 — посвящены библиографии за период 1939—1945 гг.

По интересу трактовки выделяются отдельные главы первой части (*Les origines*) и некоторые главы, относящиеся ко времени империи. Начало римского развития рассматривается в тесной связи с общеиталийским развитием, причем Пиганиоль в отличие от Моммзена, Паиса и Белоха считает возможным видеть отражение истинных событий в некоторых сказаниях, относящихся к царской эпохе. Так, например, в споре Ромула и Рема Пиганиоль видит столкновение основателя города, вышедшего из Альбы, с главой Авентинского холма. Для ранней Римской общины характерен, по его мнению, дуализм, отражающий объединение латинских и сабинских элементов. Достоверное зерно усматривается и в легендах о Тарквиниях, в которых отражается этрусское господство в Лации. Мало достоверного находит Пиганиоль в истории ранне-республиканской (особенно в известиях, относящихся к VI веку). Известие о Юнии Бруте (консуле 509 г.) является, по его мнению, интерполяцией, ибо род Юниев—плебейский, получивший известность только в IV веке. Ничего определенного, по Пиганиолю, нельзя сказать ни о времени, ни о характере, ни о первоначальном содержании законов двенадцати таблиц. *Foedus Cassianum* перенесен традицией на столетие ранее: он отражает договорные отношения между Римом и Тускулом, относящиеся к 381 г. Вместе с тем Пиганиоль признает достоверным аграрный закон Лициния и Секстия. В историю завоеваний и в историю гражданских войн Пиганиоль не вносит ничего нового, пытается, например, в вопросах о причинах римской интервенции на Востоке объединить и примирить различные точки зрения, а иногда и уклониться от разрешения сложных проблем. Так, например, Пиганиоль ставит вопрос: «В какой мере можно говорить о римском капитализме?» и отвечает таким образом: «Это вопрос определения. В Риме уже со времен Полибия наблюдается накопление капиталов, но эти капиталы вместо того, чтобы быть помещенными в промышленные предприятия, вкладывались в землю (отсюда концентрация собственности) или же вкладывались в компании по сбору налогов». Хотя Пиганиоль и не дает определенного ответа на поставленный вопрос, однако у автора явно сквозит типично буржуазная эклектическая точка зрения. Буржуазный взгляд на социальное развитие римского общества не позволяет Пиганиолю выделить отдел о революциях рабов и значении социальной борьбы в истории Римской республики. Эпохе империи отведено у Пиганиоля больше места. Здесь уделено социальной истории больше внимания, хотя в основных наших источниках социальная история империи отражена беднее, чем в источниках, относящихся к концу поздней республики. Основные выводы автора, касающиеся социальных отношений времен империи, отражают взгляды Ростовцева, хотя по ряду вопросов Пиганиоль вносит свои коррективы. В оценке императоров династий Юлиев—Клавдиев Пиганиоль ближе к античным авторам (Тациту и Светонию), чем многие из современных историков. Нечто новое вносит Пиганиоль в историю гражданской войны 68—69 гг. Победа Гальбы отражает победу оппозиционной Неропу аристократии, провозглашение Отона было «нероновской реакцией», главными носителями которой были преторианцы. Нижнегерманская армия восстала, по мнению автора, во имя народа, верхнегерманская провозгласила Вителлия. В конечном итоге одержали верх дунайская армия и армия, стоявшая на востоке. Время Флавиев характеризуется, по Пиганиолю, ростом «этактизма», централизации и фискального гнета.

Продолжая традицию Гиббона, Пиганиоль дает высокую оценку положения империи во времена Антонинов, причем главная причина этого усматривается в деятельности правительства. После обзора внешней и внутренней истории эпохи Антонинов дается сначала обзор политического строя империи, а затем характеристика провинций, включающая краткие очерки административного устройства, а также обзоры хозяйственного развития.

Время Северов, по Пиганиолю, не было еще началом кризиса. Тяжелым временем для империи является период с 235 по 268 г.—время «анархии и вторжений».

Вызывает серьезные возражения также и характеристика иллирийских императоров: последние вели политику, благоприятную «для слабых и бедных», но они не любили анархии и решили восстановить дисциплину. Частную инициативу подчинили они высшей необходимости государства. У них был культ армии и бюрократии. Они

были на пути к своего рода государственному социализму, который вырисовывается в конце века» (439). В этом определении верно лишь то, что касается армии и бюрократии, все остальное является реакционным измышлением автора.

Из общих вопросов истории империи в основном изложении уделяется особое место кризису III века и вопросу о падении Римской империи. И здесь проявлен эклектизм автора, пытающегося объединить различные точки зрения. Он говорит об утрате сенатом прежнего авторитета (взгляд Ферреро), о недостаточно эффективной защите границ, организованной Августом и Адрианом (теория Корнемана), он указывает на падение ценности денег (взгляд Миквица), на ослабление внешней торговли (об этом говорил Зеек). Подобно Ростовцеву, автор говорит об упадке «буржуазии»; нужно заметить, что в числе симптомов кризиса Пиганиоль упоминает и о стремлении рабов к свободе. Всего лишь один абзац посвящен Пиганиолем упадку Римской империи. И здесь мы видим нагромождение различных причин, восходящих к разным исследователям. Пиганиоль говорит и об отказе римлян от военной службы, и о подавлении частной инициативы и развитии бюрократизма, и о торжестве метафизического монотеизма. Но главной причиной считает он то, что торговые пути переместились от Средиземного моря к Рейну и Дунаю и далеко не все пути вели уже в Рим.

Вывод неожиданный и не вытекающий из изложения, в котором на первое место поставлена политическая история.

Считая основой исторического процесса политическое развитие, стремясь «учесть» все точки зрения по основным вопросам, Пиганиоль не дает своих ответов на кардинальные вопросы исторического развития Рима.

Имеются некоторые олошности фактического свойства. Ливию Андронику, например, приписывается перевод «Илиады», а не «Одиссеи» (стр. 84), непонятно, почему начало восстания Аристоника датировано 131 г. (стр. 116).

Примечания в «Истории Рима» являются наиболее ценной частью книги Пиганиоля. Полной библиографии римской истории не существует, особенно трудно учесть статьи и исследования, рассеянные в различных журналах. Издаваемые периодические справочники Марузо охватывают всю древность и в силу громоздкости не удобны для пользования. Большое значение имеют короткие историографические обзоры, посвященные то общим, то частным вопросам, вызывавшим научную дискуссию: например, хронология постройки римских стен, вопрос о происхождении плебеев, история галльского нашествия, толкование гиссеновского папируса, содержащего эдикт Каракаллы, спорные вопросы диоклетиановской реформы. В библиографии у Пиганиоля очень мало (по сравнению с обзором Ростовцева в его «Социально-экономической истории» и Бэйнеса в «Journal of Roman Studies» за 1944 г.) дано по обзору различных взглядов, касающихся падения Римской империи. Конечно, библиографические указания Пиганиоля следует признать не полными. Отсутствует, прежде всего, русская литература, кроме ссылки на работы М. М. Хвостова, да и указанная иностранная литература далеко не полна. Из общих работ, например, не указана History of Rome Т. Франка, представляющая больший интерес, чем упоминаемые автором книги Кэри и Блока.

Относительно библиографического приложения, перечисляющего литературу, вышедшую в 1935—1945 гг., автор сам говорит, что им даются лишь предварительные указания, поскольку полные возможны только после установления нормальных международных связей. И действительно, у Пиганиоля мы не находим ряда существенных изданий.

Нет, например, вышедшего в 1941 г. V т. издания An economic history of Rome. Не указан IV т. Fontes Hispaniae Antiquae, не названа важная и во многих отношениях оригинальная книга A. N. S c h e r w i n - W h i t e The Roman Citizenship, Oxford, 1939, так же как появившаяся в том же издании и в том же году книга Syme «The Roman revolution», встретившая отклики в различных журналах, а также книга Шультеца по Испании, появившаяся еще в 1933 г. Мы уже не говорим о том, что список статей, вышедших в последние годы и касающихся различных вопросов истории Рима, далеко не полон.

Таким предстает перед нами труд Пиганиоля. Он имеет существенные недостатки. Однако, насколько это возможно в кратком пособии, автор учитывал различные стороны истории Рима, к каждому периоду истории даны библиографические указатели литературы и ссылки на источники. В качестве справочника книга Пиганиоля может быть использована всяким, кто интересуется современным уровнем буржуазной науки.

Проф. А. Мишулин
Проф. Н. Мачкил

«ИЗВЕСТИЯ НА БЪЛГАРСКИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИ ИНСТИТУТ», т. XV (1946), стр. 1—290, София (обзор античных материалов).

Рассматриваемый нами номер журнала был подготовлен болгарскими археологами еще в годы войны, наполовину сгорел в марте 1944 г. и лишь в 1945 г. дополнен. Содержание его составляют статьи, посвященные античной и древнеболгарской археологии и истории.

Д. Крънджалов в статье «Характерна ли е бермата за «прабългарските» валове» (стр. 37—51) ставит задачей опровергнуть принятое многими болгарскими учеными положение К. Шкорпила о праболгарском происхождении всех валов на территории Болгарии. Выдвинутая в 1905 г. эта теория не была еще никем пересмотрена. Сам Д. Крънджалов является автором нескольких работ, посвященных изучению валов в восточной половине Балканского полуострова (см. его книгу «Валовете в Добруджа и Бесарабия и прабългарската теория», София, 1943). В реферируемой статье он рассматривает прежде всего топографию валов, указывая, что лишь с юга территория болгарской державы была укреплена валами. Это противоречит положению Шкорпила, считавшего, что древняя Болгария была защищена валами на всех границах. Отбрасывая литературные доводы праболгарской теории происхождения валов, которым уже посвящена его специальная работа («Арабският писател Аль-Масуди от X век и неговите сведения за борджаните», ГНМ, VII), автор уделяет особое внимание техническим доводам К. Шкорпила. Согласно Шкорпилу, берма¹, характерная для праболгарских земляных сооружений, является единственным признаком, позволяющим выделять последние. Несостоятельность этого положения автор аргументирует примерами строительства крепостей на Руси и в Византии. Для истории античного военного дела особенно важны его наблюдения относительно применения бермы в римской фортификации. Берма, как отмечает Крънджалов—это обычный технический прием, употреблявшийся в римских укреплениях; особенно часто ее оставляли перед каменными стенами и, как исключение, перед пограничными валами. Им указывается наличие бермы у нескольких римских крепостей: крепость при Шумне, укрепление Хисарлък, Абтаатского кале, земляное укрепление между Силистрией и Тутраканом, небольшое укрепление у Перлекьой, крепость у с. Сираково и др.

Таким образом, берму нужно рассматривать не как украшение, вызванное эстетическими наклонностями какого-либо народа, но как известный технический прием. Автор приводит и статистические доказательства: из 1222 км общей протяженности валов в болгарских и соседних землях берма сопутствует валам лишь на протяжении 75 км.

Задачу, поставленную автором, бесспорно, следует считать разрешенной.

Т. Герасимову принадлежит работа «Антични монети с контрамарки от Долна Мизия и Тракия» (стр. 51—81). Исследователь избрал чрезвычайно интересный вопрос о перечеканке монет в восточной части Балканского полуострова в эллинистическую

¹ Берма—небольшая полоса различной ширины, тянущаяся между ровом и насыпью (стеной), предохраняющая насыпь от оседания в ров.